

ремесленников можно будет отнести не менее двух третей всех лиц, останки которых были погребены на кладбище Корики и погребения которых сохранились.

Рассмотренного нами эпиграфического материала, разумеется, совершенно недостаточно для того, чтобы делать, основываясь на нем, какие-либо широкие выводы. Тем не менее анализ приведенных данных позволяет отметить некоторые существенные моменты. Мы считаем себя вправе утверждать, что в позднеримский период (более точно установить время, к которому относятся погребения, мы не имеем возможности) город Корики, как, по всей вероятности, и другие города Киликии, представлял собой центр ремесла и торговли. Главным занятием основной массы его населения было производство различных ремесленных изделий. Отмеченные выше довольно широкие связи этого киликийского города с другими городами и странами были возможны лишь при наличии известного уровня производства в самом Корики. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть ввиду того, что современные буржуазные историки Римской империи рассматривают город не как социально-экономическую категорию, а лишь в качестве чисто «политического института», развитие которого сводилось, по их представлениям, к изменению его отношения к государству¹, вследствие чего экономическая основа городской жизни почти совершенно выпадает из их поля зрения.

Имеющиеся в нашем распоряжении фрагментарные сведения все же дают возможность установить связь, существовавшую между ремесленным производством и торговлей Корики. Так, развитию ткацкой кустарной промышленности соответствовала относительно широко поставленная и организованная торговля полотняными тканями, о чем свидетельствуют упоминания о коллегии портовых льноторговцев (№ 770). Следовательно, торговля, которую вел Корики с другими областями и городами, находила в его хозяйстве свою производственную основу и не была транзитной.

В Корики существовало большое количество самых различных ремесел, основными из которых были ткачество, гончарное дело, обработка металлов. В некоторых случаях мастера обладали предприятиями, в которых, возможно, в какой-то мере эксплуатировалась и наемная рабочая сила. В ряде отраслей производства ремесленники были организованы в корпорации, возглавляемые старшинами². Однако главенствующей формой промышленности было мелкое ремесло, носившее характер простого товарного производства. Показательно, что среди примерно двухсот пятидесяти ремесленников, которых мы можем насчитать по сохранившимся надписям, ни в одной специальности не набирается более тридцати человек (максимальная цифра — 28 у гончаров), а представители основных ремесел составляют в эпитафиях группы в десять-пятнадцать, редко — двадцать человек. Перед нами — весьма дробная и сложная картина распределения ремесленников между разными отраслями производства, которая, судя по своеобразному характеру наших источников, повидимому, в основном соответствовала действительному положению дел. При этом следует учесть, что погребения относятся не к короткому отрезку времени, а, повидимому, к длительному периоду; и тем не менее ремесленников одной специальности относительно немного. Подобная многочисленность различных профессий, в каждой из которых было занято незначительное по сравнению с общей массой населения количество ремесленников, свидетельствует, по нашему мнению, именно о мелком характере производства. Ряд отраслей производства города Корики, повидимому, был рассчитан, в первую очередь, на удовлетворение местных потребностей. Если бы здесь на самом деле господствовало развитое «денежное хозяйство»³, связанное с расширенным воспроизводством, то налицо было бы обратное явление, а именно — наличие сравнительно небольшого круга профессий, каждой из которых охвачена масса непосредственных производителей.

Насколько мелким было производство в Корики, можно судить еще и по тому, что

¹ См. А. Н. М. Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, стр. XII сл.

² Об употреблении термина *πρεσβυτερος* в значении «старшина коллегии» см. Th. Reil, *ук. соч.*, стр. 177 слл.

³ См. G. Mickwitz, *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr.*, Helsingfors, 1932, стр. 190—191 слл.

в ряде случаев одно и то же лицо занималось двумя профессиями, не имевшими между собой ничего общего. Повидимому, более узкая специализация экономически себя не оправдывала. Так, мы читаем в надписях о валяльщике шерсти, занимавшемся вместе с тем изготовлением папируса (№ 361), об упаковщике — гоичаре (№ 470), о мастере по мрамору, являвшемся также хлебопеком (№ 273), о золотых дел мастере, который одновременно был садоводом (№ 348 b). В связи с этим следует упомянуть также духовных лиц (священников, монахов), из которых многие занимались ремеслами, вряд ли имея возможность уделять им все свое время (см. №№ 582, 523 и др.).

Столь же мелкий характер носила в известной мере и торговля. Если, с одной стороны, часть занятых в ней лиц объединялась в коллегии льноторговцев, если отдельные виноторговцы имели собственные корабли (см. № 680) и, вероятно, производили коммерческие операции большого масштаба, то большинство торговцев были мелкими; не случайно по надписям насчитывается до двадцати человек, которые вели торговлю по мелочам и обозначались термином *καπηλός*. Для некоторых торговля была вообще подсобным занятием. Таков могильщик, который, кроме того, торговал (№ 677). Здесь также обращает на себя внимание многочисленность терминов, которыми обозначались разного рода торговцы. Среди них названы продавцы прохладительных напитков, закусок и выпивки, фисташек, фруктов, зелени, есть даже особый торговец отрубями и поставщик калийных удобрений.

Подобное положение дел в торговле и ремесле города Корика дает основание для утверждения, что его население было весьма неоднородным в имущественном отношении. Надгробные надписи позволяют предположить, что мелким ремесленникам и торговцам противостояли крупные предприниматели, обладавшие немалыми средствами, накопленными в результате широкой торговой и промышленной деятельности. Вместе с тем необходимо признать, что характер погребений исключает для нас знакомство с положением и составом низших слоев населения киликийского города. Равным образом мы не располагаем в данном случае какими-либо данными относительно рабов.

Таким образом, нам удается лишь до некоторой степени вскрыть по корикским надписям характер экономики города Восточной Римской империи V—VI вв. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать вывод, что Корик представлял собой центр ремесла и торговли, основывавшихся на простом товарном производстве.

А. Я. Гуревич

К ВОПРОСУ ОБ АГРАРНЫХ ПАТРОЦИНИЯХ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Для изучения сложной проблемы генезиса феодального способа производства в поздней Римской империи большой интерес представляет исследование характерных для этого периода новых явлений в развитии аграрных отношений. Одной из важных особенностей социально-экономического развития IV—V вв. является широкое распространение в этот период на территории империи аграрных патроциниев.

О значительности той роли, которую играл институт патроциния в жизни общества поздней империи, говорит большое внимание, уделявшееся ему императорским правительством. Во второй половине IV и в течение всего V в. императоры в своих указах неоднократно возвращаются к патроциниям. В кодекс Феодосия, составление которого относится к 30-м годам V столетия, была внесена специальная глава «De patrociniis visigom».

Вопрос о патроциниях неоднократно ставился в работах советских историков. В. С. Сергеев и Н. А. Машкин видели в них одну из важных форм развития феодаль-

ных отношений в поздней Римской империи¹. Подробное и во многих отношениях интересное исследование патроциниев дается в работе М. В. Левченко «Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI веков» (ВС, 1945, стр. 12—94). М. В. Левченко убедительно показывает, что патроцинии были распространены в изучаемый период во всех провинциях империи (ук. соч., стр. 47). Совершенно правильно, на наш взгляд, характеризует М. В. Левченко цели императорской политики в вопросе о патроциниях. Правительство стремилось сохранить в качестве объекта эксплуатации свободные крестьянские общины, которым угрожал захват их земель крупными землевладельцами (там же, стр. 49).

В работах большинства советских историков патроцинии рассматриваются как одно из проявлений характерного для поздней Римской империи роста крупного сенаторского землевладения и формирования могущественного слоя крупных земельных собственников — *potentes*. Против этой распространенной точки зрения выступил А. П. Каждан, по мнению которого для поздней империи характерен не процесс земельной концентрации, но все большее укрепление мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства². С этим связана и точка зрения А. П. Каждана на патроцинии, который он рассматривает, наряду, например, с вотчинными тюрьмами, только в качестве одной из форм внеэкономического принуждения (ук. соч., стр. 76).

Содержащиеся в кодексах Феодосия и Юстиниана императорские указы, посвященные борьбе с патроциниями, позволяют более или менее точно определить время, к которому относится широкое распространение аграрных патроциниев. Учитывая, что в кодексе Феодосия самый ранний указ, относящийся к патроциниям, датируется 360 г., а в течение последующих десятилетий IV и начала V в. было издано не менее пяти подобных указов, можно думать, что развитие патроциниев принимает широкие размеры со второй половины IV столетия. Уже первый из этих указов — распоряжение Констанция и Юлиана на имя Гелпидия (СТh, XI, 24, 1) выражает наиболее характерные черты императорской политики по отношению к патроциниям. В указе говорится о множестве крестьян-общинников в Египте, отдавших себя под патроциний лиц, занимающих различные высокие должности, в частности дуков. Авторы указа требуют, чтобы крестьяне вышли из-под патроциниев, и обязывают лиц, которые предоставили патроцинии и, «обещав защиту, препятствуют выполнению обязанностей», выплатить за этих крестьян всю их задолженность фиску. Очевидно, стремление избавиться от гнета налоговой машины, который для египетских крестьян осуществлялся через общину, было основной причиной, побуждавшей их обращаться к покровительству «сильных людей». Фиск теряет налогоплательщиков, и правительство пытается не только вернуть патроциниев убытки казны. Этой цели подчинено все дальнейшее императорское законодательство о патроциниях. В течение конца IV—V вв. императорское правительство постепенно повышает меры наказания за предоставление патроциниев. По указу Валентиниана, Валента и Грациана от 370 г. патроны должны уплачивать штраф в размере 25 фунтов золота (СТh, XI, 24, 2). В 399 г. размер этого штрафа возрастает до 40 фунтов золота за каждое поместье (СТh, XI, 24, 4). Несколько позднее в качестве наказания за предоставление патроциния вводится конфискация всего имущества патроциниев (СТh, XI, 24, 5). Усиление мер наказания за предоставление патроциниев свидетельствует, очевидно, о том, что к концу IV в. они представляли собой, вопреки сопро-
данию к значительному сокращению доходов фиска.

С начала V в. намечается известный поворот в императорской политике по отношению к патроциниям, связанный с увеличившимися трудностями открытой борьбы с ними. В 415 г. издается постановление императоров Гонория и Феодосия, свидетель-

¹ В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, т. II, 1938, стр. 699—705; Н. А. Машкин, История древнего Рима, 1947, стр. 580.

² А. П. Каждан, О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ, 1953, № 3, стр. 77—106.

ствующее о невозможности для императорской власти полностью ликвидировать патроцинии и делающее попытку использовать их в фискальных интересах (СTh, XI, 24,6). В этом постановлении правительство санкционировало патроцинии, возникшие до 397 г., в качестве законных земельных владений патронов, а перешедших до этого времени под патроциний крестьян объявило колонами патронов и обязало землевладельцев уплачивать по общему правилу подати за всех работающих на их землях крестьян. Пытаясь отстоять фискальные интересы, правительство в то же время делало уступку крупным землевладельцам за счет фиска: с крестьян, находившихся в имениях могущественных собственников, налоги получать было гораздо труднее, чем с непосредственно зависящих от государства крестьянских общин — метрокомий, упоминаемых в указе. Попытка достигнуть компромисса с частью крупных землевладельцев по вопросу о патроциниях, очевидно, не имела большого успеха. И в Западной и в Восточной империях в течение V в. патроцинии продолжали развиваться. Императоры Лев и Антемий издали в 468 г. указ, которым подтвердили категорический запрет патроциний и установили штраф в 100 фунтов золота для знатных лиц, предоставляющих патроцинии сельскому населению (CI, XI, 54, 1).

Юридические источники позволяют установить, что стремление освободиться от налогового гнета было основным стимулом, побуждавшим крестьян к переходу под патроцинии. Для определения роли патроциний в социально-экономическом развитии важно выяснить, в какой мере отражалось их распространение на положении различных категорий сельского населения империи. Типичным явлением был, повидимому, переход под патроцинии целых сел. Об этом свидетельствует заголовок главы кодекса Феодосия, трактующей о патроциниях, — «De patrociniis vicorum», а также упоминание в некоторых указах (СTh, XI, 24,3) сел, прибегающих к защите сильных людей. Очень часто это были села свободных крестьян-общинников. Упоминание об общинах, перешедших под патроцинии и переставших вносить налоги фиску, мы встречаем в указе Констанция и Юлиана от 360 г. (СTh, XI, 24, 1). В уже упоминавшемся указе 415 г. рассмотрение вопроса о патроциниях, очевидно, связано с мероприятиями правительства по защите сельских общин — метрокомий от крупных землевладельцев (см. М. В. Левченко, ук. соч., стр. 30).

Наряду со свободными крестьянами-общинниками к патроциниям крупных землевладельцев прибегали также колонны более мелких землевладельцев, господа которых не могли предохранить их от фискальных повинностей. В указе Аркадия и Гонория от 399 г. (СTh, XI, 24,5) упоминаются две категории крестьян, переходящих под патроцинии: *agricolae* и *vicani, propria possidentes*. Последние, по всей вероятности, свободные крестьяне-собственники. Противопоставление им *agricolae*, очевидно, имеет смысл лишь в том случае, если под *agricolae* имеются в виду крепостные колонны — как известно, не обладавшие правом собственности. О тех же двух категориях говорит один не имеющий даты указ V в., включенный в кодекс Юстиниана (CI, XI, 54, 2). Указ устанавливает различные наказания, с одной стороны, для свободных общинников, перешедших под патроцинии, в частности старейшин общины, и, с другой стороны, для рабов (*δοῦλοι*). Под *δοῦλοι* подразумеваются, очевидно, не только рабы, но и крепостные колонны, так как свободные крестьяне-общинники являются единственной, кроме *δοῦλοι*, категорией сельских жителей, которую упоминает указ.

Эти соображения о двух категориях сельского населения, прибегающего к патроциниям, подтверждаются данными антиохийского ритора второй половины IV в. Либания. В своей речи «О патронах» («Περὶ τῶν προστάσιων» — Or. 47) Либаний рассказывает о больших сирийских селах, населенных свободными крестьянами-общинниками. Эти села содержат у себя солдат, с помощью которых они не допускают на свою территорию сборщиков податей. За действиями крестьян стоит патрон, по указанию которого, очевидно, они и содержат солдат. Патрон, по свидетельству Либания, подкупает местные власти, благодаря чему они смотрят на происходящее сквозь пальцы. Наряду со свободными селами к патроциниям, по словам Либания, прибегают деревни, принадлежащие отдельным представителям муниципальной аристократии. Так, например, под патроцинии какого-то могущественного лица перешли колонны са-

мого Либания. Это выразилось в том, что они отказались выполнять свои повинности по отношению к собственнику имения. Либаний добился заключения этих колонов в тюрьму, но под давлением местного военачальника, повидимому, подкупленного патроном, они были освобождены, а Либаний фактически потерял право собственности на свое имение. Речь Либания наглядно демонстрирует те методы, при помощи которых крупные землевладельцы обеспечивали переходящим под патрониний селам независимость от фискального аппарата. Прямое сопротивление агентам фиска сочеталось в той или иной степени с подкупом крупных должностных лиц местного гражданского или военного управления.

Интересное указание на изменение положения крестьян в результате их перехода под патрониний содержит указ Валентиниана, Валента и Грациана от 370 г. (СТh, XI, 24, 2). Этим указом правительство запрещает патронинии, берет с патронов штраф размером 25 фунтов золота в возмещение ущерба, нанесенного ими фиску, и, чтобы стимулировать крестьян к выходу из-под патрониниев, обещает уменьшить для них тяжесть налогового обложения до суммы вдвое меньшей, чем оброк, который они платят патрону (*et non quantum patroni suscipere consueverant, sed dimidium ejus fiscus adsumat*). Это обещание материальных выгод для тех крестьян, которые покинут своих патронов, совершенно определенно говорит о том, что их материальное положение под покровительством могущественных землевладельцев было лучше, чем вне этого покровительства. Очевидно, эксплуатация патрона, освобождавшего своих крестьян от фискальных повинностей, была все же более легкой, чем бремя налоговой машины империи. Правительство вынуждено обещать крестьянам взыскивать с них меньше, чем они платят патронам, так как в противном случае крестьяне будут, очевидно, сопротивляться выходу из-под патрониниев.

Интересное описание патрониниев в Галлии приблизительно середины и второй половины V в. дает марсельский священник Сальвиан (ок. 400—484 гг.). Сальвиан сообщает, что многие разоряемые податями бедняки единственный выход для себя видят в том, что отдадут себя под охрану и покровительство более сильных, делают себя подданными более богатым и переходят как бы под их право и власть (*quasi in jus eorum dicionemque transcedunt. De gub. dei, V, 39*). В патрониниях Сальвиан видит прежде всего средство эксплуатации могущественными землевладельцами безжалостных от гнета податей земледельцев. Он разоблачает безжалостный гнет императорской налоговой машины и бичует сильных богачей, которые наживаются за счет бедняков. Однако, несмотря на все свое возмущение практикой патрониниев, Сальвиан фактически признает, что обращение к покровительству сильных людей все же было для крестьян известным выходом. Он пишет, что под патрониний переходят те люди, которые являются или более сведущими, или те, которых сведущими сделала необходимость (V, 46). Очевидно, что в глазах этих сведущих, т. е. осведомленных о подлинном положении дел в имениях могущественных землевладельцев, людей, патронинии представлялись меньшим из возможных зол.

А. П. Каждан считает, что переход под патрониний сел свободных крестьян-общинников, о котором сообщает Либаний, не может рассматриваться как начальный этап крестьянского закрепощения и свидетельствует лишь о силе крестьянской общины (ук. соч., стр. 103). Однако если учитывать те отношения, которые возникали в результате патрониния между патроном и крестьянами, то это положение А. П. Каждана окажется сомнительным. Ведь крестьяне, фигурирующие в речи Либания, действуют не на свой страх и риск, а под покровительством могущественного патрона, который подкупает местные власти и тем самым гарантирует их невмешательство в борьбу крестьян с агентами фиска. Совершенно ясно, что это покровительство оказывалось патроном не бескорыстно, а каким-то образом оплачивалось крестьянами; скорее всего оно приводило к тому, что крестьяне попадали в определенную зависимость от крупного землевладельца, принявшего их под свой патрониний.

Некоторый свет на характер отношений, возникавших в результате патрониниев, проливает, повидимому, один из указов императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия (СТh, IV, 22, 2). Хотя этот указ и не посвящен непосредственно патрониниям, он

дает известное представление о путях, которыми крупные землевладельцы распространяли свое влияние на мелких собственников, и о том, какие отношения устанавливались между ними. Указ направлен против практики захватов крупными землевладельцами земли и имущества мелких крестьянских собственников — *minores possessores*. Из указа видно, что переход земли или другой собственности крестьян в руки крупных землевладельцев осуществлялся на основе какой-то незаконной сделки. В указе упоминаются кураторы и тutory — очевидно, представители сельской администрации, выполнявшие также судебные функции в отношении *minores possessores*. Эти тutory и кураторы, вступив в тайное соглашение с крупным землевладельцем и, видимо, будучи подкупленными им, заставляли крестьян выплачивать долги в соответствии с вышеупомянутыми сделками. В качестве уплаты долга у крестьян изымалось имущество и урожай (*coria et fructus adimatur*). Таким образом, крестьяне, вступая в сделку с крупным землевладельцем, очевидно, уступали ему собственность на свою землю, сохраняя за собой пользование ею, и обязывались уплачивать определенные повинности новому собственнику земли. Кураторы и тutory, действовавшие в интересах крупных землевладельцев, контролировали выполнение этих сделок крестьянами. Добровольное в какой-то мере вступление крестьян в подобные сделки объяснялось скорее всего стремлением защититься от бремени разорительных фискальных повинностей. Об этом свидетельствует явная заинтересованность императорского правительства в прекращении такой практики. Указ объявляет упомянутые сделки расторгнутыми и подвергает конфискации имущества и вечной ссылке тutory и кураторов, требующих от крестьян уплаты долгов крупным землевладельцам. Таким образом, подобные сделки крупных землевладельцев с крестьянами были для правительства таким же нежелательным явлением, как и патроний, и, следовательно, схожим с последним.

Об эксплуататорском характере отношений, возникающих в результате патроний, ярко свидетельствуют данные Сальвиана. Из рассказа Сальвиана можно сделать вывод, что люди, прибегшие к патрониям могущественных землевладельцев, делились по своему правовому положению как бы на две категории. Одни из них, избегая фискального гнета, переходили под патроний вместе со своими земельными участками. Сальвиан пишет о таких людях, что они «отдают защитникам (т. е. патронам) все свое имущество, и, таким образом, чтобы отцы приобрели защиту, дети теряют наследство... Этим соглашением что-либо передается во владение родителям, так, чтобы впоследствии отнять у детей» (*De gub. dei*, V, 39 и 40). Таким образом, в том случае, если крестьянин переходил под патроний вместе с земельным участком, он, повидимому, получал его по соглашению с патроном в пожизненное владение.

В другом положении находились люди, потерявшие свои земельные участки или изгнанные из родных мест варварским нашествием. Сальвиан указывает, что бедняки, переходящие под патроний без земли, становятся колонами патронов, и, таким образом, «и собственности лишаются и право свободы теряют» (*De gub. dei*, V, 43 и 44). В другом месте Сальвиан называет таких людей даже рабами патронов (*De gub. dei*, V, 45).

Различие между этими двумя категориями переходящих под патроний ощущалось только в первом поколении. Люди, перешедшие под патроний с землей, фактически закрепощались патроном, причем их зависимое положение было наследственным. «После смерти отца дети, рожденные зависимыми, — пишет Сальвиан, — не имеют земельных участков в своей собственности и угнетаются сельскохозяйственными повинностями» (*De gub. dei*, V, 43).

Из данных Сальвиана о патрониях в Галлии можно сделать вывод, что в конечном счете все, прибегшие под защиту патронов, сливались с остальным производительным населением имения в более или менее однородную массу крепостных работников, пользующихся земельными участками и обязанных различными повинностями землевладельцу.

Приведенные факты позволяют, как нам кажется, охарактеризовать аграрный патроний как проявление определенного этапа в процессе генезиса феодального способа производства в период поздней империи. Тот факт, что переход крестьян под патро-

циний гарантировал им избавление от фискального гнета, приводит к весьма существенному выводу. Если могущественные земельные магнаты могли оказывать столь успешное сопротивление государственной власти, лишая ее значительного числа налогоплательщиков, то вряд ли они сколько-нибудь полно и аккуратно выплачивали налоги за находившихся в их владениях работников остальных категорий. Разумеется, отношения землевладельцев с фиском всегда определялись реальным взаимоотношением сил. Менее могущественный землевладелец мог выплачивать полностью или частично налоги за своих колонов и в то же время стремиться привлечь на основе патронии крестьян, не зарегистрированных в фискальных документах по его имени, так сказать, обмануть фиск. Однако все данные источников о патрониях позволяют думать, что крупные земельные магнаты, которые чаще всего выступали в качестве патронов, имели полную возможность абсолютно не считаться с требованиями фиска и не платить налогов даже за работников, внесенных в цензовые списки их имений.

Патронии, таким образом, наиболее ярко выражали весьма важную особенность экономического положения крупного землевладения: его независимость от фиска.

В условиях поздней Римской империи это имело громадное хозяйственное значение. Крупные могущественные землевладельцы (*potentes*), добившиеся фактической независимости от фиска, имели возможность организовывать эксплуатацию непосредственных производителей в своих имениях в таких размерах, какие считали выгодными для своих хозяйств. В этом основное отличие таких хозяйств от имений более слабых земельных собственников, в которых размеры эксплуатации колонов зависели не только от воли их владельцев, но и от требований фиска. В Римской империи IV—V вв. средний или даже крупный землевладелец, для того чтобы выплатить все государственные налоги с имения и обеспечить собственный доход, нередко изымал у своих колонов почти весь их урожай, лишая их тем самым какой-либо заинтересованности в труде. Об этом свидетельствует, в частности, чрезвычайно ценный материал, содержащийся в письмах поэта Симмаха, сенатора и крупного землевладельца второй половины IV — начала V в. В письмах Симмаха постоянно звучат жалобы на тяжесть податей и невозможность собирать их с колонов. В одном письме Симмах прямо говорит, что «колонам не остается ничего из имущества, что способствовало бы [хорошему] хозяйственному итогу или обработке [полей]» (Symm., Ep. VI, 81), причем из контекста видно, что причина этого тяжелого положения имения заключается в изъятии большей части урожая в пользу фиска. В отдельных случаях Симмах вынужден был производить большие затраты в своих имениях, повидимому, хотя бы для частичной поддержки хозяйств разоряющихся колонов (Ep. I, 5). Для крупного землевладельца Симмаха давление налоговых машин являлось серьезнейшим препятствием рациональному и высокоприбыльному ведению хозяйства.

Пример Симмаха показывает, что в интересах рационального хозяйства землевладельцы считали выгодным обеспечивать колонам определенные условия, делавшие возможным ведение ими самостоятельных хозяйств. Эта тенденция выражала объективную закономерность развития феодальных производственных отношений: вызревание индивидуального хозяйства непосредственных производителей — основы их заинтересованности в труде. Осуществиться на практике в условиях поздней Римской империи она могла в основном лишь в тех земельных владениях, которые в большей или меньшей степени были гарантированы от фискального гнета. Такими земельными владениями являлись в IV—V вв. имения могущественных землевладельцев (*potentes*). Хотя мы не имеем точных сведений о материальном положении их зависимых крестьян, однако, это положение, как мы пытались показать выше, было не таким тяжелым, как хозяйственные условия колонов курялов и менее мощных землевладельцев типа Симмаха.

Все эти аргументы позволяют сделать вывод, что отношения, складывавшиеся в крупном землевладении поздней империи, играли передовую роль в развитии феодального способа производства. Размеры эксплуатации обуславливались здесь не арендными договорами и произволом фискальных чиновников, но стихийно проявившимися потребностями производства. Именно в крупных земельных хозяйствах, независимых

от фискальных поборов, могло выкристаллизоваться такое необходимое условие феодальных производственных отношений, как единоличная собственность крестьянина на орудия производства и на свое частное хозяйство.

Приведенные соображения не позволяют рассматривать патроциний лишь как простое перераспределение земельной собственности между различными группировками господствующего класса (А. П. Каждан, ук. соч., стр. 103). Во-первых, рассмотренные данные источников недвусмысленно говорят о том, что к патроциниям широко прибегали свободные крестьяне-общинники, терявшие в результате этого свою собственность на землю. Во-вторых, колонны более мелких, в особенности муниципальных, землевладельцев, переходя под патроциний *potentes*, не просто меняли патрона, но попадали под действие иных экономических условий, в результате чего, повидимому, приобретали возможность развивать собственное индивидуальное хозяйство.

Данные о массовом переходе в результате патроциний в IV—V вв. земель крестьянских общин и средних муниципальных землевладельцев в руки крупных земельных собственников подтверждают тезис о мобилизации земельной собственности в период поздней империи, против которого возражает А. П. Каждан.

Невозможно отрицать также эксплуататорский характер отношений, возникавших в результате патроциния, и постепенное закрепощение могущественными земельными собственниками прибегших под их патроциний крестьян. О последнем в особенности наглядно свидетельствуют данные Сальвиана

В имениях могущественных землевладельцев (*potentes*) было несравненно больше возможностей для вызревания феодальной неполной собственности на работника производства, чем в менее крупных хозяйствах. Несмотря на юридическую зависимость колона от своего господина, последний далеко не всегда обладал средствами внеэкономического принуждения своих колонов. Мы видели это на примере отношений Либания с его колонами. Об этом свидетельствуют также постоянно встречающиеся в письмах Симмаха его просьбы провинциальным властям о помощи в деле сбора арендной платы и податей с его колонов (Ер., V, 87; IX, 6). Другой характер носило подчинение колонов и переходящих под патроциний крестьян могущественным земельным магнатам. Последние сами, вопреки воле государства, распространяли свое господство на новые массы производительного населения. Очевидно, широкое распространение в V в. частных вооруженных отрядов земельных магнатов — так называемых *букелариев* (СI, IX, 12, 10; *Olimp.*, fr. 7) — находилось в непосредственной связи с громадным ростом зависимого населения на территории крупных имений. В условиях слабости позднего римского государства крупные землевладельцы стремились собственными силами организовать подавление эксплуатируемого ими крестьянства. Именно этим назначением частных вооруженных отрядов объясняется, на наш взгляд, тот факт, что они набирались преимущественно из варварских племен, не имевших ничего общего с местным зависимым населением, например, из готов (*Olimp.*, fr. 7).

Изучение института аграрного патроциния, характерного для крупного землевладения поздней империи, позволяет, на наш взгляд, ставить вопрос о вызревании основных элементов феодальных производственных отношений в имениях земельных магнатов IV—V вв. Именно в этих имениях могло в большей или меньшей степени осуществляться развитие индивидуального мелкого хозяйства работников производства — основы их заинтересованности в труде. С другой стороны, могущество земельных магнатов, нередко опирающихся на частные вооруженные отряды, обеспечивало формирование феодальной собственности землевладельцев на работников производства и внеэкономическое принуждение. Патроцинии, как определенное социально-экономическое явление периода поздней империи, представляли собой форму, в которой проявлялись и вызревали феодальные производственные отношения.

Г. Г. Дилигенский